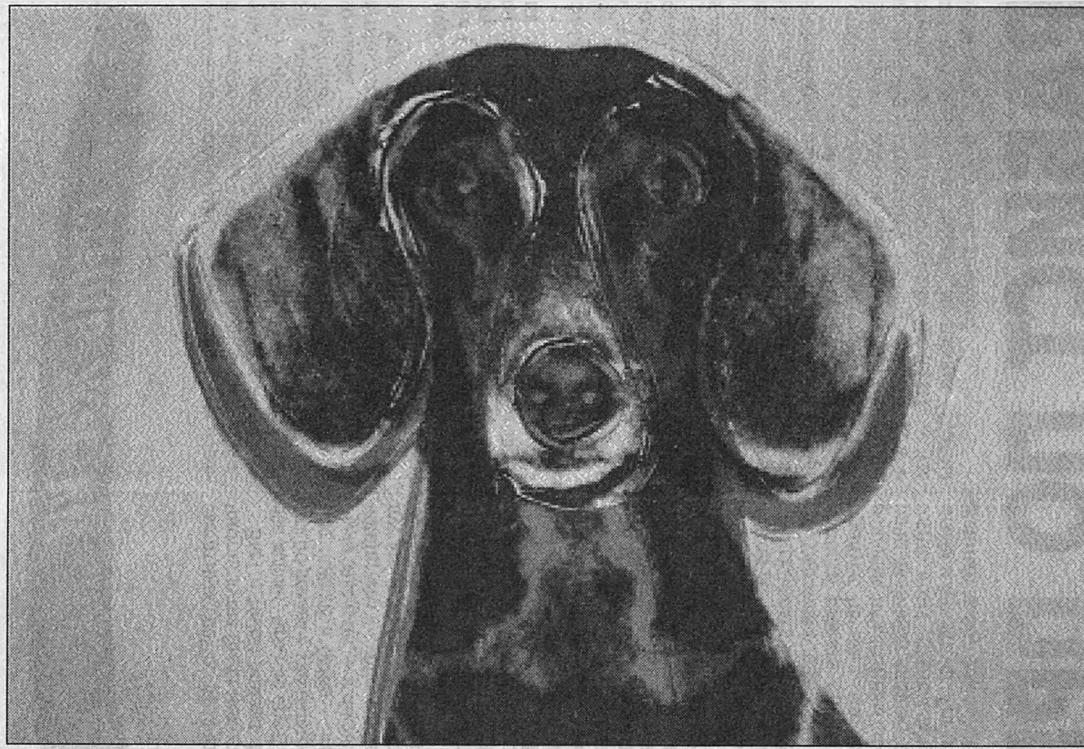

АБЫР, АБЫР, АБЫРВАЛГ

Почему не радуют новые «детективы» Бориса Акунина

Сыщик в акунинских романах — фигура без языка, но с явно выраженными повадками пса (Энди Уорхол. Морис).

Независимая газ. — 2001. — 19 июня. — С. 7.

Дмитрий Ольшанский

БОРИС АКУНИН, плавно перемещающий свои сюжеты все ближе и ближе к концу прекрасной эпохи, добрался-таки до 1900 года — времени незакрытых бледных ног Брюсова, антихриста Мережковского, отца-дьявола Сологуба и акунинского соавтора по «Чайке» Чехова, предлагавшего всю эту теплую компанию символистов забрить в солдаты. Два новых романа из жизни декадентов, «Любовник Смерти» и «Любовница смерти», посвящены смерти и смертью же озаглавлены. Логично, если вспомнить о том, что предыдущие жертвы романиста, сытые мудрые русские люди 1880-х, прощание с жизнью не смаковали, в то время как дети их, ужасно любившие красиво говорить, только и твердили, что о погружении во мрак и расставанье с наядевшей жизнью — а тут и детективный сюжет подоспел, и сам Акунин декадентов умирать заставил, только уже не в стихах, а вроде как на самом деле.

Однако при том, что материал беллетристу попался на редкость благодатный, сами романы вышли провальными — и не потому даже, что механическая стилизация простонародной речи в «Любовнике Смерти» и велеречивого символистского косноязычия в «Любовнице» утомляют, и утомляют сильно. Не потому, что терминатор-Фандорин окончательно изжил свою, теперь уже и для самых непонятливых (увлеченных) безликую и однообразную личину — не случайно в двух новых историях его называют Неймлес (Безымянный). И не потому, что Акунину, компилирующему плохие голливудские фильмы и переводные англо-американские бестселлеры, до сих пор кажется, что если чем и пугать читателя — так это непременно тайными обществами (тех самых «любовников смерти»). Беллет-

ристу невдомек, что только глубоко провинциальное, в сущности своей инфантильное сознание склонно устрашаться «мировым заговором» во всех его проявлениях — человеку несколько более искушенному скромные, «мелкобуржуазные», убивающие богатого дядюшку злодеи куда интересней. Ведь именно они, а вовсе не изобретенные кинематографом монстры, воплощают тот вечно-веченный, христианский масштаб зла, с которым имеет дело литература (и детективная в том числе). И все-таки беда с новыми романами Акунина не от того.

Детектив как жанр имеет дело прежде всего с загадкой. Подобно тому, как всякая тайна может быть раскрыта и рассказана, криминальная загадка также нуждается в отгадывании, в изощренном ходе мыслей и, поскольку перед нами текст, в словах. Невозмутимые объяснения Холмса, осторожные беседы мисс Марпл — вот подлинный двигатель интриги в детективе, основной инструмент, с помощью которого автор, а за ним и читатель продвигается к развязке. Мы в буквальном смысле слова цепляемся к словам — и тогда для нас, вслед за удивленным Ватсоном, дело становится поистине «элементарным». Не то у Акунина. Вопрос о том, «кто убил», не имеет в его «любовниках» и «любовницах» никакого значения — кому бы ни было приписано злодеяние, кем бы из героев ни были озвучены преступные реплики, мы поглощены совершенно другим, в некотором роде антидетективным и антилитературным процессом. Этот процесс, образующий стержень акунинского действия, есть преследование злодея, и вместо чудаковатого сыщика в романах Акунина перед нами предстает идеальный преследователь, охотник.

Проще говоря, пес. А потому и ближайшая ассоциация к этим романам — вовсе не дедуктивные успехи мистера Холмса, но ретивые погони заведущего подотделом очистки П.П. Шарикова. А

вот и типическое содержание акунинских «детективов»: «Пес извернулся, спружинился и вдруг ударил в дверь здоровым боком так, что хрюстнуло по всей квартире. Потом отлетел назад, закрутился на месте, как кубарь под кнутом, причем вывернулся на пол белое ведро... Где у них черная лестница?... — соображал пес. Он развернулся и комком ударил на обувь в стекло, в надежде, что это вторая дверь. Туча осколков вылетела с громом и звоном... В запертой ванной по стенам что-то запрыгало, обрушились тазы, дикий голос Шарикова глухо проревел за дверью:

— Убью на месте...

В том месте повествования, где Холмс, пошедший по неверному логическому следу, берется за трубку или скрипку, разочарованный герой Акунина испытывает примерно следующее: «Котяра проклятый лампу раскокал, — ответил Шариков, — а я стал его, подлеца, за ноги хватать, кран вывернулся, а теперь найти не могу». Что тут скажешь? Догнать, схватить и крепко приложить злодея об пол — безусловно, наименее благородное, однако Борис Акунин, наводящий свои сочинения подобными приемами, или, точнее выражаясь, ухватками, вряд ли может считаться автором детектива — старинного и трудного жанра, конфликт которого отнюдь не исчерпывается безудержным желанием «разъяснить сову».

Герой, не имеющий собственного языка, не способен изобразить преступника. Он в состоянии лишь ударить его по лицу подручным предметом, используя отрывистые выкрики вроде «стой!», «лови!», а то и булгаковского «абыр!». И потому резонный будет предположить, что Акунин, уже наделивший своего героя собачьей хваткой, в следующем романе, посвященном двадцатому веку, подарит Фандорина также и шариковой военной службой — «на колчаковских фронтах».